

Ночь уже глубоко вступила в свои права, и кампус погрузился в непроглядную тьму. За целый день солнце раскалило общежитие, и в комнате стоял невыносимый зной. Центральный кондиционер издавал лишь натужный гул, не в силах хоть как-то изменить ситуацию.

Шу Июй прислонился к перилам балкона. Он полмесяца держался, но в итоге всё же сорвался и закурил. Рядом валялась пачка, которую он всегда носил с собой — разорванная, измятая, пустая. У ног на полу выросла кучка пепла и окурков, а между пальцев дотлевала очередная сигарета.

Воспоминания, словно лианы, обвили его, лишая возможности дышать. С того дня, как не стало Ми Наня, Шу Июй каждый день задавался вопросом: почему? Почему он не сказал? Почему не искал? Почему решил уйти из жизни?

День за днем, и в конце концов он сам перестал держаться. Тело, потерявшее всякое желание бороться, долго не выдержало. Это было похоже на самобичевание — словно только последовав за этим человеком, он мог почувствовать хоть какое-то облегчение. Но какой в этом толк? Потеря есть потеря. Как ни жалея, как ни страдай, того человека уже не вернуть.

В глазах Шу Июя Ми Нань всегда был властным, самоуверенным и дерзким. Он напоминал ураган: приходил, сметая всё на своем пути, и оставлял после себя лишь руины. Их отношения в прошлой жизни были случайностью, а то, что они в итоге смогли остаться вместе — результатом бесчисленных уступок и жертв со стороны Ми Наня.

Шу Июй с самого начала не строил планов на будущее. Просто этот человек идеально вписался в его сердце, просто им обоим было одиноко, и в итоге Ми Нань сам себя загнал в эту ловушку. Стоит человеку по-настоящему привязаться к кому-то, как его и без того узкий кругозор сужается до размеров игольного ушка.

У Шу Июя было всё: деньги, внешность, положение семьи в столице. Стоило ему позвать, как откликались многие. Сколько омег тянули шеи, пытаясь завести с ним знакомство! Даже без официального статуса, даже просто получить от него легкую метку считалось предметом зависти в их кругу на целый год. Сам он не любил играть с омегами и, начав отношения с Ми Нанем, вел себя безупречно, но и не отказывался от внимания поклонников. Для Шу Июя это были чужие чувства — он не мог их контролировать, так зачем тратить слова?

Но Ми Нань был другим. Он ненавидел, когда Шу Июй проявлял хоть каплю нежности к кому-то еще. Одно время они постоянно ссорились. Нет, вернее будет сказать, что Ми Нань срывался на крик, а Шу Июй чаще всего молчал. Он не знал, как успокоить альфу, кроме как через близость — иного способа слиться воедино они не находили.

Ми Нань постоянно повторял один и тот же вопрос:

— Почему ты не можешь просто обернуться и посмотреть на меня?

Шу Июй каждый раз отвечал с пугающей жестокостью:

— Однажды всем нам придется вернуться на правильный путь.

— На правильный путь? С чего ты взял, что сам сможешь туда вернуться? — Ми Нань смеялся с нескрываемой издевкой.

С тех пор он больше не спрашивал. Их расставание было делом предрешенным. Два альфы — даже если бы они были из простых семей, шанс был невелик, а у них обоих были свои обязательства, и финал был predetermined с самого начала.

Мужчина медленно выпустил струю дыма. Она рассеялась, затуманив взгляд, в котором блестела влага.

Люди — такие странные существа, отрешенно подумал Шу Июй. Стоит нахлынуть негативным эмоциям, как они в одно мгновение разрушают все прежние старания. Он никогда не считал себя настолько инфантильным, но сейчас ему хотелось вести себя именно так. Нужно было что-то сделать, чтобы выплеснуть гнев или скрыть глубоко запрятанный страх потери.

Он включил экран телефона: двенадцать двадцать пять. Ми Нань еще не вернулся. Скорее всего, опять завис с друзьями в баре. Шу Июй не стал, как обычно, звонить или писать сообщения с просьбой меньше пить или поскорее вернуться домой. Внутри него боролось упрямство — он хотел, чтобы Ми Нань первым пошел на попятную.

Мужчины бывают до нелепости упрямы, и их гнев часто не имеет под собой реальных оснований. Об их прошлых обидах знал только Шу Июй, и ему приходилось нести это бремя в одиночку. Он был готов к этому заранее, но сейчас ловил себя на том, что злится из-за какого-то никчемного омеги. В чем провинился тот омега? Что значит бутылка воды? Но Шу Июй не мог контролировать темные мысли, прорастающие в его душе. А может, и не хотел контролировать.

С момента перерождения он казался себе очень хладнокровным, но это было не так. Он был в ужасе. Прошрое осталось позади, а будущее было сплошной неизвестностью. Шу Июй паниковал. Он не знал, сможет ли он теперь привлечь внимание Ми Наня. Многие вещи менялись сами собой: их встреча, начало их пути.

Путь любви труден, раньше он этого не понимал. Теперь же он прекрасно осознавал, какую ярость испытывал Ми Нань, когда видел, как он здороваются с другими омегами. Потому что он сам сейчас терял рассудок.

В баре «Мятная конфета» по-прежнему было шумно. Тематическая вечеринка, танцы до упаду, крики и гам. Ми Нань сидел с мрачным лицом, которое в полумраке казалось пугающим. Он крутил телефон в пальцах, излучая ауру, отталкивающую любого, кто осмелился бы подойти. Он в одиночку занял трехметровый диван в VIP-кабинке, и соседние места пустовали — никто

не решался сесть рядом.

В кабинке было полно народу, человек двадцать жались на диванчиках по краям, словно пространство разделилось на две части: шумную и мертвую, которые никак не могли соприкоснуться. Сегодня молодой господин был в таком скверном настроении, что даже самый болтливый из их компании, Чжан Ян, не решался его задевать.

Му Цзы, самый старший из них, отличавшийся рассудительностью, решил, что пора закругляться.

— Время позднее, пора по домам, завтра же военная подготовка, — сказал он, похлопав Ми Наня по плечу.

Ми Нань рассеянно отозвался:

— Ага.

Му Цзы вздохнул и наклонился к его уху:

— Если что-то случилось — рассказывай братьям.

— Да нет ничего, просто жара эта вымотала, — Ми Нань встал, взглянул на экран телефона — по-прежнему пусто — и помрачнел еще сильнее.

Му Цзы, сглотнув, не стал больше ничего говорить, просто молча повел всех на выход. Они не рискнули позволить ему сесть за руль и попросили одного непьющего альфу отвезти их обратно в университет.

Ми Нань стоял у двери общежития, не решаясь войти. Его интуиция подсказывала, что Шу Июй не в духе, но он никак не мог понять почему — ведь это он сам имел все основания злиться.

Потоптавшись у двери, он толкнул её. Шу Июй смотрел на него без всякого выражения. Его зрачки были глубокого каштанового, почти черного цвета. Это молчаливое пристальное внимание почему-то напомнило Ми Наню змею.

— Чего тебе? — молодой господин и так был на взводе, а такая реакция лишь подлила масла в огонь.

Шу Июй растянул губы в улыбке, которая не коснулась его глаз. Он схватил Ми Наня за руку, с силой захлопнул дверь и тут же прижал его к стене. Не давая и шанса открыть рот, он запечатал все звуки, впиваясь в губы жестким, требовательным поцелуем.

Он был словно разъяренный хищник, готовый растерзать добычу. Ми Нань попытался

вырваться, но его запястья были намертво зафиксированы и вывернуты за спину. Когда он попытался отвернуться, его лицо грубо схватили за подбородок, вынуждая подчиниться.

Через пару минут Ми Нань почувствовал не страсть, а лишь нехватку воздуха — это был просто выплеск эмоций. Внутри него вспыхнул огонь, смешанный с горькой обидой. Он ненавидел такие поцелуи, лишённые чувств. Сжав зубы, он укусил Шу Июя — во рту мгновенно появился привкус крови. Он прокусил ему губу.

— Ц, какой злой, — Шу Июй стер большим пальцем кровь, выступившую на губе. Укус был серьёзным.

Ми Нань, глядя на него покрасневшими глазами, с силой толкнул его в плечо:

— Ты с ума сошел!

— Немного, — Шу Июй облизнул губы и кивнул, признавая это.

Он снова перехватил руки Ми Наня и прижал их к своей груди, но на этот раз его движения стали мягче, и он осторожно притянул его в объятия. Ми Нань раздражённо дернулся, но, встретив сопротивление, лишь сердито уставился на него. Этот кобель: сам разозлился, выместил на нем гнев, а теперь пытается задобрить? Что это значит?

— Шу Июй, если ты чем-то недоволен, говори прямо, не надо этих игр!

— Я злюсь.

— Да с чего тебе, черт возьми, злиться! — Ми Нань сам спросил, сам же и взорвался, услышав ответ.

Шу Июй прижал ладонь к его затылку, чувствуя, как под пальцами пульсирует железа, и жалобно пробормотал:

— Ты пил воду того омеги.

Ми Нань фыркнул:

— Ты что, видел?

— Случайно увидел.

— Черт! Да мне эта вода была не нужна, она сама мне её всучила!

— Ты не пьешь воду, которую я покупаю.

— Да когда ты мне её давал, черт возьми!

— О, я разозлился и выбросил.

Ми Нань на секунду лишился дара речи и странно уставился на Шу Ию.

— Что?

Ми Нань поднял руки, обхватил мужчину за шею, и на смену гневу пришла насмешка:

— Ты что, приревновал?

Шу Ию просунул руки под его футболку, сжал талию и глухо ответил:

— Только сейчас догадался?

— Ты же не давал мне повода догадаться!

— Теперь видишь.

Глаза Ми Наня ярко блеснули в темноте. Раздражение от того, что он весь вечер прождал сообщения, мгновенно улетучилось. Он подался вперед:

— И что ты хочешь, чтобы я сделал?

Шу Ию ласково потерся носом о его нос:

— Хочу тебя поцеловать.

— Только не так, как раньше.

— Хорошо... — не успел он договорить, как Шу Ию мягко коснулся его губ.

В этом поцелуе больше не было неистовства — только нежность и кропотливое изучение. Каждое касание было наполнено бесконечным чувством. Ми Нань не мог сопротивляться такому Шу Ию. И где-то в глубине души, сам того не осознавая, он начал выпускать феромоны с ароматом мяты и лимона.